

Барбошкин Константин Евгеньевич, к.филол.н., доцент
Кафедра китайской филологии
Институт стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова
baraboshkin-kons@yandex.ru

«ПРЕКРАСНОЕ» В ТРАКТАТЕ «ВЕСЫ СУЖДЕНИЙ» ВАН ЧУНА (I В. Н.Э.)

Аннотация. В статье рассматриваются категория «прекрасного» и то, как её понимает Ван Чун (I в. н.э.) в своём трактате «Весы Суждений» (*Луньхэн*), на основании анализа автор приходит к выводу, что понимание задач литературы у мыслителя гораздо глубже, нежели это представлялось ранее.

Ключевые слова и фразы: Китай, литература Китая, литературная теория, китайская поэтика, Ван Чун, Луньхэн, Весы суждений, эстетика.

Baraboshkin Konstantin Evgenievich - PhD in Philology, assistant professor
Department of Chinese Philology
Institute of Asian and African studies (IAAS), Moscow State University
baraboshkin-kons@yandex.ru

"BEAUTY" IN WANG CHONG'S "DISCOURSES WEIGHED" (I CENTURY BC)

Abstract. The article examines the category of "beauty" and the way Wang Chong (I century BC) understands it in his "Discourses weighed" (*Lunheng*), on the basis of the analysis the author comes to the conclusion that the understanding of the purpose of literature is much deeper, than it seemed before.

Key words and phrases: China, Chinese literature, literary theory, Chinese poetics, Wang Chong, Lunheng, Discourses weighed, aesthetics.

Согласно распространённой точке зрения, теория литературы в Китае складывается в III в. н.э. в главе «Рассуждения о литературе» (*Луньвэнь* 论文) трактата «Рассуждения о классическом» (*Дяньлунь* 典论) Цао Пи (曹丕) (II-III вв. н.э.). Однако сама литературная мысль проходит гораздо больше этапов развития, прежде чем появляется в вышеназванном трактате. А вид стройной литературной теории она принимает уже у Лю Се (V-VI вв. н.э.) в «Резном драконе литературной мысли» (*Вэньсинь дяолун* 文心雕龙) [подробнее см. 6]. Задолго до этого момента, Ван Чун (王充) (I в. н.э.) пишет свой труд «Весы суждений» (*Луньхэн* 论衡), в котором объединяет мысли предшественников (Лу Цзя (陆贾) (III – II вв. до н.э.), Ян Сюна (扬雄) (I в. до н.э. – I в. н.э.) Хуань Таня (桓谭) (I в. до н.э. – I в. н.э.)), и на который будет равняться Цао Пи при создании своего трактата. В «Весах суждений» мыслитель не ставил перед собой задачи создания стройной литературной теории, ведь единственная причина, по которой он решил взяться за кисть и нанести текст на бамбуковые планки – обилие неточностей в литературе (тут нужно сразу оговориться, что под *вэнь* (文) Ван Чун подразумевает литературу в широком смысле слова) того периода:

«Мэнцзы сожалел о том, что рассуждения предшественников подавили суждения конфуцианцев, и использовал простые и прямые речи, [чтобы] превознести правду и подавить неправду. Современники посчитали, что он любит спорить. Мэнцзы отвечал: «Разве я люблю спорить? Я не могу поступать иначе!». Теперь и я не могу поступить иначе. Лживость и нелепость проглядывает сквозь истину, действительность и искренность перемешалась с фальшью, и люди не в состоянии [этого] понять. Правда и неправда не

определены. Пурпурный и красный цвета переплелись, черепица и яшма смешались. И если выразить это посредством чувств - разве это то, что может вынести моё сердце?» [11, с.1774].

Как мы можем видеть, главным мотивом написания всего своего труда Ван Чун считает борьбу с ложью в литературе как таковой. Что представляет подобного рода «ложь», с которой борется Ван Чун? В первую очередь, это «лживые», «нелепые» (*ван* 妄) и «пустые» (*сюй* 虚) речи. Автор восстаёт против наводнивших общество комментариев к каноническим книгам и многочисленным *вэйшу* (纬书) и *чжуаньшу* (传书) [подробнее см. 4, 7], при этом тщательному анализу мыслитель подвергает и саму каноническую литературу (*цзиньшу* 经书).

Одним из критериев, по которому автор определяет, достойно ли произведение существования или нет – это соответствие его объективной действительности (*ши* 实), только подобного рода произведения считаются у него истинными (*чжэнь* 真). Его труд является именно что «весами», которые помогают определить соотношение истины и лжи:

«Весы суждений» были созданы по той причине, что появилось множество расходящихся с действительностью книг, лживые и нелепые речи возобладали над истинно прекрасным. Поэтому если их не искоренить, то вычурным произведениям не будет видно конца. А если вычурные произведения будут свободно распространяться, то установлению истинного положения дел не найдётся применения. Поэтому «Весы суждений» являются тем, что оценивает весомость речей и устанавливает баланс правды и лжи» [11, с.1778].

В данном отрывке видно, что понятие истина-*чжэнь* тесно переплетается у мыслителя с понятием прекрасное-*мэй* (美), поэтому на страницах трактата рождается своего рода бином «истинно прекрасное» (*чжэньмэй* 真美). А потому многие исследователи, отечественные [2, 3], западные [12, 13] и китайские [8, 9, 10], делают упор на подобного рода подходе Ван Чуна к литературе, настаивая на том, что для него единственным критерием была полезность, т.е. возможность применения идей литературного произведения на практике, а соответственно любого рода выдумку мыслитель почитал ложью и отказывал произведениям, которые были плодом авторского воображения, в праве на существование.

При недостаточном знакомстве с главами труда мыслителя это, несомненно, можно признать верным. Хотя уже здесь можно увидеть логическую нестыковку – с одной стороны, утверждается, что Ван Чуну не присуще чувство прекрасного, и он не придаёт большой значимости произведению, идеи которого не применимы на практике; с другой – говорится, что мыслитель почитал любую выдумку не имеющей права на существование. И вот тут как раз находится та грань, которую многие исследователи не замечают – второе не вытекает из первого.

Да, действительно, как уже упоминалось выше, в труде Ван Чуна одним из важных критериев является соответствие произведениям фактам действительности, однако не менее важным у него является т.н. «разумное основание», «рациональное начало-*ли*» (理), всякое произведение должно исходить именно из этого самого *ли*, чтобы можно было признать полезность подобного рода труда. Делая упор на понятии *ли*, Ван Чун приводит не один и не два примера, в которых прямо утверждает, что красота-*мэй* появляется тогда, когда в произведении есть разумное основание-*ли*.

Здесь важно отметить, что в данном случае Ван Чун говорит лишь об одном виде выделяемой им литературы – *лунь* (论) – рассуждении, а не о всей литературе-*вэнь* вообще [подробнее см. 1]. Тут проходит тонкая грань между признанием красоты вымысла и его отрицанием. Ван Чун не отрицает красоту в целом и красоту вымысла в частности. Более того, он подчёркивает, что любое произведение может доставлять человеку удовольствие (*мань'и* 满意) при прочтении, достаточно лишь автору соотноситься с принципом разумного основания-*ли* (так Ван Чун в главе «Об утраченных текстах» (*ивэнь* 佚文) приводит пример вымышленного произведения, которое стройностью своей всем доставляло наслаждение), но если произведение не соответствует принципу *ли*, то тогда оно будет плохим:

«Текст [подобного произведения] формируется, [его] можно прочесть, [но] удовольствие от их чтения не способен получить и один [читатель] из сотни» [11, с.1264]

Так что же есть красота в контексте литературного произведения для Ван Чуна? Несмотря на то, что мыслитель называет себя конфуцианцем, на страницах трактата он явно прибегает к синтезу идей различных школ. Так, в вопросе красоты он придерживается позиции даосской школы, как можно было видеть выше - его волнует соотношение красоты-мэй и истины-чжэнь. Если в *Дао Дэцзине* (道德经) подобная тема лишь затрагивалась - «Нет красоты в правдивом слове, нет правды в сказанном красиво» [5], то Ван Чун развивает её дальше – в главах «Об измерении таланта» (чэнцай 程材), «О взвешивании знания» (лянчжун 量知), «Признание недостатков» (седуань 谢短), «Об усмотрении [истинных] способностей» (сяоли 效力), «О различении эрудитов [от других людей]» (бетун 别通), «Выявление достойных» (динсянь 定贤) «О превосходстве и необычности» (чаоци 超奇) он пишет о системе талантов и затрагивает проблему, когда человек обладает прекрасным литературным даром, но может быть плохим по своей природе. Собственно, именно по этой причине мыслитель и берётся за кисть – в его эпоху развелось много льстецов (нин 佞) и клеветников (чань 馋), чьи слова подобны яду, а произведения способны ввести в заблуждение целую империю. Для конфуцианцев такого рода суждение было немыслимым. Для их школы характерно соотношение красоты-мэй и добра-шань, а потому произведение, которое повергает в смуту целое царство, не может быть признано красивым.

Получается, что есть литераторы, которые творят красиво и намерение их – помочь управлению, а есть те, кто талантлив, но намерен либо навредить, либо просто превознести себя. Что же Ван Чун говорит о произведениях, которые написаны талантливыми литераторами без злого умысла, но в то же время и не с целью помочь в управлении? Он характеризует их следующим образом:

«[Те, кто] с прилежностью слагает оды и гимны, создаёт величественные и прекрасные тексты – являются ли они достойными? Сыма Сянжу, Ян Цзыюнь таковы! Тексты прекрасны, а [проделанная] работа огромна, слова тонки, а идея глубока, однако [в их текстах] невозможно установить, что есть правда, а что - ложь, [авторы не] обсуждают подлинное различие между ними. И хотя слова подобны узорчатой ткани, глубина [мысли подобна] рекам Хэ и Хань, народ [из их произведений] не поймет различия между истиной и ложью, и они не помогут [в деле] пресечения [ложных высказываний] и распространения перемен, поощряющих уважение [в литературе к] действительности» [11, с.1699].

Как раз здесь и лежит камень преткновения – некоторые исследователи [2, 3, 10], ссылаясь лишь на часть этого высказывания, считают, что если Ван Чун говорит о невозможности применения данных произведений на практике, то он отрицает их как таковые. Но из вышеприведённой цитаты следует лишь тот факт, что эти произведения бесполезны только для его задачи – пресечения ложных идей и критики, иначе говоря, они не относятся к категории рассуждений-лунь. Ван Чун признаёт красоту произведений, признаёт тот факт, что они могут доставить эстетическое удовольствие, но просто в своей системе жанров он ставит их ниже, чем, к примеру, свой труд. Так потом это сделает и Цао Пи, когда через два века после «Весов суждений» поставит в своей классификации стихотворения-ши (诗) и оды-фу (赋) на последнее место. Однако Ван Чун, при этом, не отрицает их значимости – например, в главах «О превознесении Хань» (сюань Хань 宣汉), «О равенстве эпох» (цзинь 齐世), «О необходимости восхвалений» (сюйсун 须颂) он всячески настаивает на необходимости появления трудов этих жанров, чтобы «имя Хань блистало в веках». А потому мыслитель видит иное применение подобным работам – рассуждения-лунь помогают дальнейшим поколениям отделять верное от неверного, способствуют управлению и процветанию общества, а фу и ши, написанные мастерами своего дела, прославляют империю. В цитате, которая приведена выше, видно, что Ван Чун не называет эти

произведения «ложными» и «пустыми», он подчёркивает глубину мысли, тонкость и изящность слов произведений, он видит красоту и не отрицает её, однако для конкретно его задачи по искоренению лжи такие произведения не подходят. Хотя и здесь находятся исключения - если особо талантливый литератор, такой как Сыма Сянжу (司马相如) (II в. до н.э.), может совместить эти два подхода, тогда рождается произведение подобное «Оде о Цзысюе» (Цзысюй фу 子虚赋). Из этого следует, что Ван Чун осознаёт двойственность литературы. О разных задачах письменного слова, он, кстати, говорит также и в главе «Об измерении таланта» (чэньцай 程材), когда пишет о различии между гражданскими чиновниками (вэньли 文吏) и литераторами (жушэннами 儒生). Ван Чун указывает на то, что письменность они используют для совершенно разных вещей, которые никак друг с другом не связаны. Гражданские чиновники занимаются сухой отчетностью, которую Ван Чун не относит в своей классификации к литературе-вэнь. Тогда как литераторы занимаются созданием именно вэнь. А уже дальше они подразделяются на тех, кто творит полезную литературу, и на тех, кто создаёт красивую, изящную литературу.

Поэтому нельзя утверждать, что украшение текста (там, где оно, конечно, нужно) Ван Чун не считал правильным. Это ярко иллюстрируется примером из одной главы его трактата:

«Те, кто украшают внешность, чтобы насильно быть похожими на других, теряют свой [изначальный] облик; те, кто украшают слова, чтобы [текст был] подобен другим, теряют [изначальные] чувства. Дети рождаются у разных родителей и совершенно различны, они вряд ли будут схожими, каждый из них вкладывает врождённые способности для того, чтобы сформировать собственные прекрасные [стороны]. [И если] текст обязательно должен походить на предыдущие, чтобы называться хорошим, это как если называть прекрасным мастером того, кто всего лишь заменяет плотника и умудряется не поранить своих рук. Каждый литературный муж в своём деле следует своим путём: кто-то преуспел в украшении слов, чтобы получить искусный текст, кто-то оспаривает ложь, чтобы прийти к реальному положению дел. [Если же] считать необходимым наличие схожести [с предыдущими литераторами] и следование традиции в [написании] текстов и слов, то это как требовать одних и тех же дел от Пяти императоров и полного однообразия заслуг Трёх владык. Красавицы не одинаковы лицом, но все они приятны взгляду; трогательные мелодии не имеют общего звучания, но все они радуют ухо. Терпкое и сладкие вина различны по аромату, но выпьешь их – захмелеешь; сто знаков различны по вкусу, но съешь их – насытишься. [А потому] говорить, что произведение должно совпадать с [работами] предыдущих [авторов древности], это как заявлять, что брови Шуня тоже должны быть восьми цветов, а глаза Юя должны иметь по два зрачка [в каждом]». [11, с.1807]

Эта цитата чрезвычайно важна – во-первых, автор пытается уйти от «похожести» произведений, выступая за резко выраженную индивидуальность, что также коррелирует с его измышлениями о превосходстве современности над древностью и с возможностью творить труды, стократно превосходящие каноническую литературу. Во-вторых, Ван Чун разделяет два вида литературного творчества: украшение слов для получения искусного текста – эстетически красивого текста, которыми занимаются талантливые одописцы, и, собственно, оспаривание лжи, когда преследуют другую цель, ту, к которой стремится и он сам – прийти к реальному положению дел, для получения этически красивого текста. В этом состоит основная проблема, которую не замечали многие. Потому как получается, что философ не только разграничивает три рода деятельности литератора: творчество (цзо 作), передача (шу 述) и рассуждение (лунь 论), но осознаёт даже не двойственность, как было сказано выше, а тройственность литературы: написание официальной документации (то, чем занимаются вэньли), создание трактатов и рассуждений (то, чем занимаются те, кто рассуждают (луньчжэ 论者), к этой категории литераторов автор относит и себя) и создание «изящной словесности» (то, чем занимаются одописцы и поэты).

Из вышесказанного становится очевидно, что Ван Чун не подходил к пониманию литературы лишь с этических, конфуцианских, позиций. Он видел и эстетическую сторону, хотя и не выдвигал её на первое место. Мыслитель выделяет несколько типов красоты для произведений. С одной стороны, это *чжэньмэй* – истинная красота, красота мысли и структуры, когда произведение соответствует *ли* и несёт в себе значимость для управления государством. С другой стороны – красота фраз, слога, стиля (что тоже является соответствием *ли*), которая приносит наслаждение. Другое дело, что на страницах своего трактата Ван Чун больше склоняется в сторону первой красоты, так как именно она несёт в себе идеал произведений, к которому он стремится сам – труд, который отражает действительность, служит делу управления и поучает последующие поколения, предостерегая их от ошибок.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

1. Барабошкин К.Е., Ван Чун (I в. н. э.). Взвешивание суждений. Глава «О превосходстве и необычности». Перевод и комментарий // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – М., 2015, № 3, с. 79-91.
2. Кривцов В. А., Эстетические взгляды Ван Чуна // Из истории эстетической мысли древности и средневековья / сост. В. Ф. Берестнев, А. П. Белик – М., – 344 с.
3. Лисевич И. С., Литературная мысль Китая. – М., 1979. – 267 с.
4. Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая / сост. М. Е. Кравцова – СПб, 2012. – 591 с.
5. Семененко И. И., Лаоцзы. Обрести себя в Дао – М., 1999. – 447 с.
6. Стеженская Л.В., Ажурная мысль китайской словесности: литературная концепция Лю Се. По избранным главам «Вэнь синь дяо лун» - М., 2015 – 316 с.
7. Ульянов М. Ю. Структура и содержание повествований в Чуныцю Цзочжуань (Комментарий Цзо к “Веснам и осени”): к характеристике исторической прозы в древнекитайской литературе // Проблемы литературы Дальнего Востока. Сборник материалов VI международной конференции, Т. 2. — СПб, 2014, с.110-126

На китайском языке

8. Ван Чжили, Ван Чун цзици вэньсюэ сысян (Ван Чун и его литературная мысль) 王治理: 王充及其文学思想, - Цзинань, 2007. – 228 с.
9. Минь Цзэ, Чжунговэньсюэ лилунь пипин ши (История литературной теории и критики Китая) 敏泽: 中国文学理论批评史 – Пекин, 1981. – 1195 с.
10. Чжоу Гуйдянь, Ван Чун сысян яньцзю Ван Чун пинчжуань (Исследование мысли Ван Чуна. Критическое жизнеописание) 周桂钿: 王充思想研究 王充评传, – Фучжоу, 2015. – 245 с.
11. Юань Хуачжун, Фан Цзячан, луньхэн цюань и (шан, чжун, ся) // Чжунго лидай минчжу цюань и цуншу (Перевод «Весов суждений» в трёх томах // Переводы известных древнекитайских сочинений) 袁华忠、方家常: 论衡全译 (上、中、下) // 中国历代名著全译丛书, – Гуйян, 1993. – 1861 с.

На английском языке

12. Hans Lenk, Epistemological Issues in classical Chinese philosophy – New York, 1993. – 194 p.
13. Michael Nylan Wang Chong // Encyclopedia of Chinese philosophy edit. by Antonio S. Cua – New York, 2003. – 1020 p.